МегаМегафон

Спорим, я влюблю босса?

18+

МегаМегафон

Спорим, я влюблю Босса?

«Автор»
2026

МегаМегафон

Спорим, я влюблю Босса? / МегаМегафон — «Автор», 2026

Зоя Ермакова — идеальный сотрудник для офисного планктона: незаметная, Офисная мышь заключает пари с главной стервой: влюбить в себя холодного босса за одну командировку. В её арсенале — старая бабушкина книга, магия которой работает странно и не всегда вовремя, и полный ноль в отношениях с мужчинами.Но когда ночью в Сочи остаётся только одна кровать на двоих, Зоя понимает: это пари она выиграет в любом случае.

© МегаМегафон, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 11
Глава 3 14
Глава 4 18
Глава 5 20
Глава 6 22
Глава 7 24
Конец ознакомительного фрагмента. 25

МегаМегафон
Спорим, я влюблю Босса?

Спорим, я влюблю босса?

Глава 1

Каждое утро Зоя Ермакова заходила в офис сети отелей «Атлант» и первым делом смотрела на дверь кабинета Арсения Борисовича Громова. Она знала: он появляется ровно в 9:07. Сначала слышно, как бесшумно открываются двери лифта — она научилась различать этот звук среди десятка других. Потом шаги. Тяжёлые, уверенные, ритмичные. Его шаги она узнавала даже в шумном холле.

Она никогда не поднимала глаз, когда он проходил мимо её стола. Смотрела в монитор, делала вид, что печатает, но краем глаза видела его профиль — прямой нос, чёткую линию скул, лёгкую щетину, появлявшуюся к вечеру и делающую его ещё более живым, более настоящим. Сердце начинало биться быстрее, а внутри разливалась тёплая, тягучая истома, от которой хотелось спрятаться под стол.

На совещаниях она не могла оторвать от него взгляда. Он стоял у белой доски, закатывал рукав дорогой рубашки до локтя, и она разглядывала татуировку на его предплечье — сложный узор, похожий на древний оберег. Зоя придумала ему историю: может, он сделал её в честь первой любви? Или чтобы защититься от неудач? Она могла фантазировать часами, глядя на его кисти — длинные пальцы, сжимающие маркер, вены, выступающие на тыльной стороне ладони.

Ей казалось, что даже его руки говорят: «Я всё контролирую».

Она знала, что он идеален. Слишком идеален. И поэтому — недосягаем. Как луна. Как звезда. Как что-то прекрасное, на что можно смотреть только издалека, не смея прикоснуться.

Но иногда она прикасалась. Случайно. И каждый раз это заканчивалось катастрофой.

* * *

Зоя вела тайный список в телефоне, в заметках под названием «Нелепости». Туда она записывала свои самые позорные моменты, чтобы потом перечитывать и краснеть от стыда в одиночестве.

12 мая. Разбила кофе о его стол. Он посмотрел на меня так, будто я сломала систему отопления всего города. Я стояла мокрая, рубашка прилипла к груди, и я пыталась вытереть бумаги, но только размазывала кофе по его заметкам. Он вздохнул. Тяжело. Я умерла.

27 августа. Лифт. Я выходила из его кабинета и врезалась в дверь. Забыла, что она раздвижная. Арсений Борисович поднял бровь. Я сказала: «Тренирую меткость». Он молчал три секунды. Потом выдавил: «Ермакова, дверь не враг». Я ушла и плакала в туалете двадцать минут.

3 ноября. Презентация. Я забыла переключить экран с рабочего стола на презентацию. На проекторе повисла моя открытая вкладка — поисковик с запросом «как понять, что ты нравишься начальнику». Я заметила это только когда он обернулся и посмотрел на экран. А потом на меня. Я нажала «выход» без сохранения. Он отвернулся. Я хотела провалиться сквозь землю.

Самым страшным было то, что Арсений Борисович никогда не повышал голос. Он просто смотрел. Долго. С лёгким наклоном головы. И в этом взгляде читалось: «Я знаю, что ты глупая. Я принимаю это. Но меня это раздражает». И это было хуже любого крика.

* * *

Вчера случилось самое ужасное.

Зоя перепутала папки. Вместо «Договоры с китайской делегацией» она отправила ему на подпись черновик внутренней служебной записки об уборщицах. Речь шла о миллионном контракте. Китайцы ждали уже час. А в папке были графики уборки номеров и списки моющих средств.

Он вызвал её в кабинет. Она шла, дрожа так, что тряслись колени. Переступила порог, и он стоял у окна — спиной к ней. Обернулся. Лицо ледяное. Глаза узкие.

— Ермакова, ты понимаешь, что мы потеряем сделку? — спросил он. Голос низкий, ползучий, как змея по песку.

— Я… я не хотела…

— Ты не хотела, — медленно повторил он. — А кто хотел? Кто вообще в этом отделе думает? Ты работаешь у меня три года, и я до сих пор сомневаюсь, есть ли у тебя мозг.

Зоя смотрела в пол. Слёзы подкатывали к горлу, но она сдерживалась. Она так любила его. Любила каждую морщинку у глаз, каждый холодный взгляд. И от этого было больно вдвойне. Она не смела поднять на него глаза.

— Завтра мы летим в Сочи, — сказал он. — Лично. Ты поедешь со мной. Будешь исправлять.

— Я не могу, — прошептала она.

— Мне плевать. Завтра вечером частный самолёт ждёт. Скажи спасибо, что я тебя не уволил. Ещё одна такая ошибка — и ты полетишь не в Сочи, а на биржу труда.

Он отвернулся к окну, давая понять, что разговор окончен. Зоя выбежала. Она не видела коридора, не видела Лику, которая ехидно ухмылялась у двери. Забежала в туалет, заперлась в кабинке и разрыдалась в голос.

Она не понимала, от чего плачет. От унижения? От обиды? От того, что он никогда — никогда! — не посмотрит на неё как на женщину? Или оттого, что Лика — красивая, наглая, идеальная — смеётся над ней каждый день? Домой она ехала с красными глазами. Небо за окном казалось грязным и чужим.

* * *

Дома она нашла книгу.

Старую, без обложки, с жёлтыми страницами. Она лежала в коробке с бабушкиными вещами, которые Зоя так и не разобрала после её смерти. На первой странице было написано от руки: «Тем, кто боится быть собой».

Зоя села на пол в гостиной и начала читать. Там была история про обычную девушку — кассиршу, которую все считали серой и тупой. Но однажды она встретила наглого богатого клиента и начала ему отвечать.

«— Ты думаешь, я боюсь тебя? — усмехнулась она. — Ты просто человек. С руками, ногами и одним большим самомнением. Я видела страшнее. — И что же тебя пугает? — Скука. А ты, дорогой, очень скучный. Он замолчал. Впервые в жизни ему нечего было сказать. Она отвернулась и спокойно заварила себе чай, даже не предложив ему ни глотка».

Зоя читала до полуночи. Смеялась вслух, поджимала ноги под себя, удивлялась, как легко героиня отшивает этого надменного придурка. Когда книга закончилась, Зоя закрыла её, посмотрела в потолок и сказала вслух:

— Вот бы и я смогла так. Ответить ему. Полюбить себя так, чтобы не бояться его. И чтобы он увидел меня.

Она положила книгу на тумбочку и провалилась в сон без сновидений.

* * *

Утром Зоя проснулась и не узнала себя.

Ей хотелось петь. Она встала, подошла к зеркалу — всё те же очки, тот же пучок, те же мешки под глазами (читала до двух ночи). Но внутри… внутри было солнечно. Как будто кто-то включил свет в давно тёмной комнате.

Она надела тот же свитер. Те же джинсы. Но шла на работу не как на казнь. Перепрыгивала через лужи, улыбалась ветру, и в голове крутилась мелодия, которую она не могла узнать.

В офисе она первым делом пошла к кофейной стойке. Налила себе американо, сделала глоток и почувствовала, как тепло разливается по груди. Она улыбнулась своим мыслям, не замечая, как смотрит на дверь кабинета Арсения Борисовича.

— Ты чего светишься? — раздался голос за спиной.

Зоя обернулась. Лика Морозова, идеальная секретарша, стояла с чашкой зелёного чая и прищуренно смотрела на неё. Рядом переминались Таня и Рита — её верные подружки, вторая смена.

— Неужели думаешь, что он заметит тебя, даже если вы останетесь на необитаемом острове? — продолжила Лика, и девушки за ней тихо засмеялись.

Зоя смотрела на неё. И вдруг, сама не зная откуда, выпалила:

— А почему ему не заметить меня?

Лика перестала улыбаться.

— Что?

— Я спрашиваю, почему ему не заметить меня? — повторила Зоя, глядя на неё в упор.

Таня поперхнулась кофе. Рита открыла рот.

— Ты это серьёзно? — выдавила Лика.

— Ну да. А почему вы смеётесь?

Лика облизала губы. Она не привыкла, что Зоя отвечает. Она привыкла, что Зоя краснеет и прячет глаза. А тут — эта спокойная улыбка, этот ровный взгляд.

— Давай поспорим, — вдруг сказала Лика. — Если вы переспите…

— Это слишком, — перебила Зоя, и сама удивилась своей наглости. — Давай по-другому. Если он подарит мне что-то — ты проиграла.

— Хорошо, — протянула Лика. — А если проиграешь ты?

— Я согласна на любое твоё условие.

— Тогда… — Лика улыбнулась. — Если он не подарит тебе ничего за всю поездку, ты уволишься. Сама. Напишешь заявление.

Таня и Рита переглянулись.

— Идёт, — сказала Зоя и протянула руку. — Но если кто-то проговорится и он узнает о споре — он отменяется. Иначе нечестно.

Лика сжала её ладонь. Сталь в сталь.

— Хорошо. Можно подумать, у тебя что-то выйдет.

— Вот и посмотрим, — Зоя сделала глоток кофе. — Мне даже стало интересно.

Она развернулась и пошла к своему столу.

* * *

Она шла, и каждый шаг давался ей с трудом. Не потому что ноги не слушались — нет, они двигались легко и упруго. Проблема была в голове. Внутри неё царил хаос. Мысли метались, как перепуганные птицы в закрытой комнате, и каждая из них билась о стенку с криком: «Что ты сделала? Ты совсем с ума сошла? Это же Лика! Лика Морозова — стерва, которая съест тебя на завтрак, не прожевав! Как ты вообще додумалась связаться с ней?!»

Зоя плюхнулась на стул, схватила кружку с остывшим кофе и сделала большой глоток. Горький, тёплый, он хоть немного приземлил её обратно на землю. Она уставилась в монитор, но вместо рабочего стола видела лицо Лики — её прищуренные глаза, её победную улыбку, идеальный маникюр, которым она так и норовила ткнуть Зою в плечо.

— Господи, — прошептала она себе под нос. — Зачем я согласилась? Зачем вообще открыла рот?

Она закрыла глаза и прокрутила в голове разговор. Всё началось с того, что Лика подошла к ней у кулера. Сказала что-то колкое. Обычно Зоя краснела, отводила взгляд, бормотала что-то невнятное и уходила. Но сегодня она ответила. Спокойно. С улыбкой. И вызовом в голосе. Откуда это взялось?

Она снова вспомнила книгу. Ту самую, старую, с жёлтыми страницами. Героиня там была смелой, острой на язык, умела осаживать наглых выскочек. И она выглядела свободной. Зоя тогда зачиталась, засмеялась вслух, подумала: «Вот бы я могла так». А теперь — могла. Словно героиня книги переселилась в неё на время и говорила её ртом.

— Это всё книга, — прошептала Зоя. — Вот это чёртово проклятие… или благословение. Пока не разберусь.

Но мысль о книге сменилась другой, более насущной. Пари. Она заключила с Ликой пари. Серьёзное, дурацкое, невозможное пари. Арсений Борисович должен подарить ей что-то за поездку. Что угодно. Цветок, шоколадку, сувенир из Сочи. И тогда она выиграет. Если нет — уволится.

Зоя упёрлась локтями в стол и закрыла лицо руками.

— Идиотка, — выдохнула она в ладони. — Ты идиотка, Зоя Ермакова. Он даже имени твоего не помнит. Он смотрит на тебя как на пустое место. Как ты заставишь его что-то купить? Он же не будет тебе цветы дарить. Он тебя терпеть не может после того, как ты испортила сделку. Он вообще не видит в тебе женщину!

Она подняла голову и посмотрела на дверь кабинета Арсения Борисовича. Та была закрыта. За ней — он. Холодный, недосягаемый, идеальный. Каждое утро Зоя смотрела на эту дверь и представляла, как он сидит там, закинув ногу на ногу, листая документы, нахмурив брови. Как он поправляет галстук. Как наливает себе виски в хрустальный стакан, когда рабочий день заканчивается. Она знала все его привычки. Все взгляды. Все интонации. Но она понятия не имела, что ему нравится. Что он вообще способен дарить женщинам цветы? Или он из тех, кто считает, что «женщина должна быть счастлива уже тем, что он на неё смотрит»?

Зоя закусила губу.

— Ладно, — сказала она себе тихо. — Давай подумаем рационально. Что я могу сделать? Как заставить его мне что-то подарить?

Она начала перебирать варианты в голове, как спички в коробке.

Первый — прямо попросить. «Арсений Борисович, купите мне, пожалуйста, сувенир». Нет. Провал. Он посмотрит на неё как на сумасшедшую и скажет: «Ермакова, ты работаешь, а не на экскурсии».

Второй — забыть кошелёк в гостинице, одолжить у неё деньги, а потом вернуть с процентами — в виде подарка. Слишком сложно. Он идеальный, у него всё под контролем.

Третий — устроить так, чтобы он сам захотел ей что-то подарить. Здесь уже интереснее. Можно быть милой. Делать комплименты. Можно… Зоя покраснела от собственных мыслей. Можно флиртовать. Но как? Она никогда не флиртовала. Она смотрела на мужчин испуганными глазами, как оленёнок на фары.

А четвёртый… четвёртый был самым безумным. Зоя вспомнила сцену из книги. Там героиня, когда герой зашёл к ней в кассу, улыбнулась и сказала: «У тебя красивые глаза. Жаль, что ты это знаешь и пользуешься». Герой тогда растерялся и купил у неё весь магазин.

Зоя усмехнулась.

— Мне что, тоже сказать ему про глаза? — прошептала она. — Он же меня уволит. Или… или нет?

Она снова посмотрела на дверь кабинета. И внутри неё что-то дрогнуло. Не страх. Азарт. Зоя улыбнулась, сама не веря в то, что делает. Она открыла блокнот и написала на первой странице:

«Способ №1. Сказать комплимент, от которого он растеряется. И посмотреть, что будет».

Она посмотрела на надпись и хмыкнула. На Литнете книги часто начинаются с того, что героиня становится смелой. Но чтобы она, Зоя Ермакова, серая офисная мышь, решила флиртовать с собственным боссом, который считает её тупой… это было сродни прыжку с парашютом без инструкции.

И всё же она решилась.

— Это просто пари, — шепнула себе. — Просто игра. Я не собираюсь в него влюбляться. Я просто выиграю у Лики и докажу ей, что я не тряпка.

Она выдохнула, поправила очки и открыла ноутбук. Работа ждала. Но в голове уже крутились планы. Самые безумные, идиотские, нелепые планы о том, как влюбить в себя мужчину, который даже не замечает её существования.

И, как ни странно, это было весело.

* * *

Через час Зоя собралась с духом.

Она подошла к кабинету Арсения Борисовича с распечатанными документами. Сердце колотилось где-то в горле, но она сделала глубокий вдох и постучала.

— Войдите.

Она вошла. Он сидел за столом, что-то печатал, даже не подняв головы.

— Арсений Борисович, я принесла исправленные отчёты по Сочи, — сказала она ровным голосом, стараясь не дрожать.

— Положи на край, — бросил он, не отрываясь от экрана.

Зоя положила папку. И замерла. Она смотрела на него. На его опущенную голову, на тёмные волосы с лёгкой сединой на висках, на его руки, печатающие что-то с невероятной скоростью. И внутри неё что-то щёлкнуло. Словно та самая героиня из книги взяла управление на себя.

— Арсений Борисович, — сказала она неожиданно громко.

Он поднял глаза. В них было удивление и лёгкое раздражение.

— Что?

Зоя улыбнулась. Не растерянно, не заискивающе, а легко, игриво, как будто они не начальник и подчиненная, а старые знакомые за бокалом вина.

— У вас красивые глаза, — сказала она. — Жаль, что вы это знаете и постоянно пользуетесь.

Он замер. Его пальцы перестали печатать. Он смотрел на неё с таким выражением, которое Зоя видела впервые за три года. Растерянность. Лёгкий шок. И… интерес? Кажется, он даже не знал, как реагировать.

— Ермакова, — медленно сказал он, — ты в порядке?

— В полном, — ответила она, развернулась и вышла из кабинета, чувствуя спиной его взгляд.

Закрыв дверь, она прислонилась к стене и прикрыла глаза. Сердце колотилось так, что, казалось, выпрыгнет из груди. Она сделала это. Она реально сделала это. Сказала комплимент своему ледяному боссу и оставила его с открытым ртом.

И внутри, где-то глубоко, росло странное чувство. Восторг. Азарт. И предвкушение — что же будет дальше.

— Так, — прошептала она себе под нос. — Способ номер один — проверка пройдена. Осталось только выиграть пари и не влюбиться по-настоящему.

Она открыла блокнот и под первой записью дописала:

«Пункт 2: повторить. И посмотреть, не купит ли он мне шоколадку».

И, улыбнувшись, Зоя пошла к своему столу.

Глава 2

Частный самолёт оказался маленьким. Очень маленьким. Настолько, что Зоя, войдя внутрь, едва не стукнулась головой о потолок и подумала: «Господи, здесь даже развернуться негде. Если он сделает шаг в мою сторону, мы столкнёмся носами. А если я сделаю шаг в его сторону — мы столкнёмся опять носами. Это катастрофа».

Арсений Борисович уже сидел в кресле у иллюминатора, читал какой-то документ и даже не поднял головы, когда она появилась. Зоя замерла на пороге, чувствуя себя нашкодившей школьницей, которую вызвали к директору.

— Садись, — сказал он, не отрываясь от бумаг. — Не стой как памятник.

Зоя села в кресло напротив. Между ними был узкий проход, который больше походил на щель. Она пристегнула ремень и уставилась в иллюминатор, делая вид, что рассматривает облака. На самом деле она краем глаза следила за ним. За его руками, которые перелистывали страницы. За его профилем. За тем, как он чуть нахмурился, читая какую-то строчку, и провёл пальцем по губам. Зоя сглотнула. Вот это было сексуально. Даже слишком.

Самолёт начал разгоняться, и Зоя вцепилась в подлокотники. Она не боялась летать, но сейчас внутри неё всё дрожало от напряжения. Она сидела в двух метрах от мужчины, в которого была влюблена три года, и понятия не имела, что ему сказать. Книга подсказывала быть смелой, но конкретных инструкций не давала.

— Ермакова, — вдруг сказал он, и она вздрогнула.

— Да?

— Ты взяла документы по Сочи?

— Да, — ответила она и полезла в сумку. — Вот они…

Она протянула папку, но ремень безопасности был слишком коротким, и она не дотянулась. Пришлось отстегнуться, податься вперёд и... она потеряла равновесие. Самолёт как раз вошёл в воздушную яму. Зоя наклонилась, папка выскользнула из рук, бумаги разлетелись по салону, а она сама, не удержавшись, упала прямо на колени Арсения Борисовича.

Тишина.

Зоя замерла, уткнувшись носом в его бедро. Она чувствовала запах его одеколона — дорогой, терпкий, с нотками кожи и цитруса. И тепло его тела, которое просачивалось сквозь ткань брюк. Ей казалось, что она сейчас умрёт.

— Ермакова, — раздался голос сверху. Сухой. Сдержанный. — Ты собираешься там остаться?

Она вскочила, как ошпаренная, и ударилась головой о подлокотник его кресла.

— Ай!

— Ты в порядке? — спросил он, и в голосе мелькнуло что-то похожее на удивление.

— Да, да, отлично, — затараторила Зоя, пытаясь собрать бумаги. — Просто решила проверить мягкость ваших коленей. На случай, если придётся экстренно приземляться. Очень удобные колени, кстати. Рекомендую.

Она замолчала, осознав, что сказала. И покраснела до корней волос.

Арсений Борисович смотрел на неё с выражением лица, которое она не могла расшифровать. Он явно не знал, смеяться ему или вызывать психиатра.

— Ермакова, — сказал он медленно, — ты сегодня какая-то странная.

— Просто хорошее настроение, — выдавила она, наконец собрав бумаги и плюхнувшись обратно в кресло. — Скажите, а пилот умеет летать без турбулентности? А то мои колени всё ещё дрожат, и они не единственные, кто волнуется.

Он поднял бровь. Зоя поняла, что только что сказала «мои колени дрожат, и они не единственные, кто волнуется», и поняла, что это прозвучало как намёк на что-то совершенно другое. Она зажмурилась.

— Я хотела сказать, что у меня вообще-то колени от природы такие, — попыталась исправиться она. — Они всегда дрожат. Это моя суперспособность.

— Твоя суперспособность — создавать хаос там, где его быть не должно, — сказал он, но в голосе послышались нотки, которые Зоя никогда раньше не слышала. Кажется, он сдерживал улыбку.

«Так, — подумала Зоя, — он не злится. Он... смеётся надо мной? Или со мной? Неважно. Главное, что он не бросил меня на взлётной полосе».

Самолёт выровнялся, и она наконец смогла выдохнуть.

* * *

Через час полёта Зоя поняла, что умирает от голода. Она не завтракала, слишком волновалась, а теперь желудок издавал звуки, похожие на рычание медведя.

Арсений Борисович оторвался от документов и посмотрел на неё.

— Ты голодна?

— Нет, — соврала Зоя, и в этот момент её желудок издал такой звук, что пилот наверняка услышал его через закрытую дверь.

— Я закажу что-нибудь, — сказал он и нажал кнопку вызова стюардессы.

Когда принесли еду, Зоя поняла, что это тест на выживание. Маленький столик, узкое пространство, и она должна есть аккуратно, не расплескав суп на брюки начальника. Она взяла ложку, но руки всё ещё дрожали после того, как она упала на его колени. Ложка звякнула о край тарелки, и кусочек мяса отскочил и приземлился прямо в чашку с чаем Арсения Борисовича.

Он посмотрел на чай. Потом на неё.

— Это мясо решило искупаться, — сказала Зоя с максимально невозмутимым лицом. — Оно всегда мечтало поплавать в чае с бергамотом. Не лишайте его детской мечты.

Он посмотрел на неё три секунды. А потом уголки его губ дрогнули. Он действительно сдерживал улыбку.

— Ермакова, — сказал он, — ты не перестаёшь меня удивлять.

— Это моя вторая суперспособность, — ответила она и откусила кусочек хлеба, стараясь не смотреть на него.

Внутри неё всё пело. Она видела, как он улыбнулся. Правда улыбнулся! Прямо ей! За три года она видела его улыбку раз пять, и то на деловых переговорах. А сейчас он улыбнулся ей — неуклюжей, нелепой Зое, которая только что отправила мясо купаться в его чай.

Книга работала. Или это просто был случай? Зоя не знала, но ей нравилось это чувство. Легкость. Свобода. Азарт.

Она доела, вытерла губы салфеткой и сказала:

— Арсений Борисович, а вы любите сувениры? Я всегда покупаю магниты на холодильник. Они напоминают о путешествиях.

— Не особо, — ответил он.

— Жаль, — сказала она и загадочно улыбнулась. — А я обожаю. Особенно если они подаренные.

Она замолчала, давая ему переварить эту фразу. И, кажется, он переварил. Потому что он прищурился и посмотрел на неё с новым выражением. Интерес. Настороженность. И, кажется, лёгкое любопытство.

«Ага, — подумала Зоя, — крючок заброшен. Теперь осталось только ждать».

Она откинулась на спинку кресла, прикрыла глаза и улыбнулась своим мыслям. Внутри неё звучал голос героини из книги: «Ты справишься, девочка. Он твой».

* * *

Когда они приземлились в Сочи, Зоя поняла, что это только начало. В аэропорту их встретил представитель отеля, который сообщил, что из-за ошибки в бронировании у них только один номер на двоих. С одной кроватью.

Арсений Борисович посмотрел на Зою. Зоя посмотрела на него. Она открыла рот, чтобы сказать что-то вроде «Я могу спать в коридоре», но изо рта вылетело:

— Ну надо же. Какая интересная ошибка бронирования. Особенно учитывая, что отель принадлежит вам, Арсений Борисович.

Он нахмурился. Его челюсть чуть заметно напряглась.

— Я позвоню, — сказал он и отошёл в сторону с телефоном.

Зоя стояла в вестибюле и смотрела на его спину. Сердце колотилось где-то в горле. Она знала, что книга наблюдает за ней. И она знала, что это был идеальный момент, чтобы продолжить свою игру.

Она улыбнулась и прошептала себе под нос:

— Ну что ж, Зоя, ты хотела флирта? Ты его получила. Теперь вопрос: выживешь ли ты до утра?

Она подошла к стойке регистрации и, пока Арсений Борисович говорил по телефону, шёпотом спросила у администратора:

— Скажите, у вас есть запасные одеяла? На случай, если мне придётся спать на полу, чтобы не смущать моего начальника. И шоколадка. Если есть — дайте две. Одна мне, вторая — чтобы он купил, когда я скажу, что хочу сладкого.

Администратор уставилась на неё как на сумасшедшую.

— Не обращайте внимания, — улыбнулась Зоя. — Я просто пытаюсь выиграть пари. И, кажется, у меня неплохо получается.

Глава 3

Номер оказался шикарным. Огромная кровать с белоснежным бельём, панорамные окна с видом на море, мраморная ванная и... маленький диванчик, который больше походил на пуфик для обуви, чем на место для сна.

Зоя вошла, огляделась и поняла, что всё идёт по самому безумному сценарию, который только можно было представить.

Арсений Борисович стоял у окна и смотрел на закат, словно пытаясь убедить себя, что это всё сон.

— Я позвоню в другой отель, — сказал он, не оборачиваясь.

— Зачем? — спросила Зоя. Она сама не знала, зачем спросила. Но язык работал быстрее мозга. — Мы же взрослые люди. Я могу спать на диване.

Она посмотрела на диван. Диван посмотрел на неё. Он был размером с её бабушкину табуретку и явно намекал, что лучше бы она спала в ванной.

— Ты уверена? — спросил он, наконец обернувшись.

— Абсолютно, — соврала она. — Я вообще люблю спать в позе эмбриона на твёрдой поверхности. Это полезно для осанки.

Он скептически поднял бровь, но спорить не стал. Зоя поняла, что он просто устал и не хочет тратить силы на переезд. Или, может быть, он проверял её на прочность. Арсений Борисович вообще любил проверять людей на прочность, а Зоя сегодня явно проходила краш-тест.

* * *

Через час она сидела на этом злополучном диване и пыталась понять, как на нём лечь.

Диван был узким, коротким и невероятно твёрдым. Когда Зоя попыталась вытянуть ноги, они упёрлись в стену. Когда она попыталась лечь на бок, она чуть не скатилась на пол. Когда она повернулась на спину, её позвоночник издал такой хруст, что Арсений Борисович оторвался от телефона и посмотрел на неё.

— Всё нормально? — спросил он.

— Да, — выдавила она. — Просто мой позвоночник решил провести перекличку. Всё на месте.

Она попыталась подложить под голову подушку, но диван был слишком коротким, и подушка, съехав, упала на пол вместе с её головой. Зоя стукнулась лбом о деревянную ножку и выругалась. Тихо, но отчётливо.

— Ермакова, — раздалось из глубины номера, — ты там жива?

— Да! — крикнула она, поднимаясь и пытаясь придать себе бодрый вид. — Просто решила проверить, насколько прочный пол. Он очень прочный! Можно даже не переживать.

Она закинула подушку обратно и попыталась найти хоть какую-то позу, в которой можно было бы заснуть. Лёжа на спине — колени торчат вверх. На боку — края дивана впиваются в рёбра. Свернувшись калачиком — она похожа на вареник, но хотя бы помещается.

— Господи, — прошептала она в подушку, — книга, ты меня подводишь. Сделай что-нибудь. Хотя бы диван более удобным.

Диван не стал удобнее. Зато из ванной донёсся шум воды. Арсений Борисович мылся. Зоя представила его под душем, и её мысли поскакали в совершенно непозволительную сторону. Она зажмурилась, попыталась думать о работе, о цифрах, о котиках — но перед глазами всё равно возникал он, мокрый, с каплями воды на плечах...

— Прекрати, — сказала она себе вслух. — Ты здесь, чтобы выиграть пари, а не чтобы фантазировать о том, как он выходит из душа в одном полотенце.

В этот момент вода перестала шуметь. Зоя замерла, прислушиваясь. Он вышел. Она слышала его шаги. Он, кажется, остановился у кровати. Потом тишина.

Она открыла глаза и увидела, что Арсений Борисович стоит в проходе и смотрит на неё. Он был в одних пижамных штанах, торс обнажённый, волосы влажные. Зоя сглотнула, пытаясь не смотреть на его грудь, на его плечи, на то, как капли воды стекают по его животу.

«Господи, — подумала она. — Это нечестно. Так нельзя выглядеть, когда у тебя есть подчиненная, которая в тебя влюблена три года».

— Ермакова, — сказал он, — ты не спишь.

— Нет, — ответила она, пытаясь придать своему голосу беззаботность, но голос дрогнул и стал похож на писк. — Решила полюбоваться на диван. Это мой диван-мечты. Я даже хочу забрать его в офис. Он очень... дисциплинирует.

Он медленно подошёл ближе. Она почувствовала запах его геля для душа — свежий, с нотками мяты и морской соли. И, кажется, она перестала дышать.

«Сейчас, — подумала она. — Сейчас я должна сделать что-то. Сказать что-то. Чтобы он увидел во мне женщину, а не идиотку».

Она глубоко вздохнула и выдала:

— У вас очень красивая грудь. Я имею в виду, торс. Он очень... мускулистый. Как у гладиатора. Наверное, вы могли бы сниматься в фильмах. В исторических. Где все ходят без футболок.

Она замолчала. Повисла тишина.

Арсений Борисович смотрел на неё. Медленно, как будто она только что сообщила ему, что планета Земля на самом деле плоская.

Она покраснела до корней волос и попыталась исправиться:

— Я хотела сказать, что у вас хорошая фигура. Потому что вы занимаетесь спортом. Я видела. Вы ходите в тренажёрный зал. Иногда вы даже ходите в обеденный перерыв. Я замечала. Не специально, просто мимо проходила.

Он продолжал смотреть на неё. Его бровь поднялась ещё выше.

— Ермакова, — сказал он медленно, — ты следишь за мной?

— Нет! — выпалила она. — Я просто... у меня хорошая память на лица. И на торсы. Я имею в виду, на людей. Я просто наблюдательная. Это моя работа. Аналитик должен быть наблюдательным.

Она замолчала, чувствуя, что с каждой секундой роет себе яму всё глубже.

«Тупица, — подумала она. — Ты хотела флиртовать, а выглядишь как школьница, которая впервые увидела мальчика без футболки. Прекрати. Соберись».

Он покачал головой. В его взгляде не было раздражения, но и интереса тоже не было. Он смотрел на неё как на странное существо, которое сбежало из зоопарка и теперь пытается говорить на человеческом языке.

— Ты уверена, что не хочешь лечь на кровать? — спросил он, и его голос звучал ровно, без намёка на флирт.

— Абсолютно, — пискнула она, чувствуя себя униженной. — Я даже на полу могу спать. У меня есть опыт. В университете мы с подругами спали на полу после вечеринок. Правда, тогда было весело и мы были пьяные. А сейчас я трезвая и у меня остеохондроз.

Он смотрел на неё ещё пару секунд. Потом развернулся и пошёл к кровати.

— Спокойной ночи, Ермакова, — сказал он, не оборачиваясь.

— Спокойной ночи, Арсений Борисович, — выдохнула она, когда он лёг на кровать.

Она закрыла глаза и провалилась в пучину стыда.

«Это был провал, — подумала она. — Ты хотела его соблазнить, а он посмотрел на тебя как на сумасшедшую. Ты сказала ему, что у него красивая грудь. Грудь, Зоя! Ты могла сказать что-то умное, а ты сказала про грудь. Идиотка».

Она перевернулась на живот и зарылась лицом в подушку.

«Ладно, — подумала она. — Это был способ номер один. Он провалился. Но я не сдамся. Я выиграю пари. Я поставлю эту стерву на место. У меня есть книга. И я не позволю себя сломать».

Она снова перевернулась, пытаясь найти позу. Диван скрипнул.

Она перевернулась на спину. Диван заскрипел громче.

Она попыталась повиснуть на спинке, как коала. Диван издал звук, похожий на «пффф».

— Я так и не высплюсь, — прошептала она. — А завтра сделка. И я буду выглядеть как зомби, и он подумает, что я наркоманка, и уволит меня...

Она снова села и посмотрела на кровать. Арсений Борисович лежал на спине и, судя по дыханию, уже спал. Он выглядел таким беззащитным, таким... почти человеческим. Она сглотнула. Она понимала, что не может встать и пойти к нему. Это будет слишком глупо. После её «комплимента» про грудь он точно подумает, что она его преследует.

«Но если я не лягу на кровать, я не высплюсь, — подумала она. — А если я не высплюсь, я не смогу думать. А если я не смогу думать, я не смогу выиграть пари. Так что это вопрос выживания».

Она встала. Взяла подушку, одеяло, аккуратно, на цыпочках, подошла к свободной стороне кровати, осторожно присела на край, легла на самый-самый краешек, почти свесив ноги, и замерла.

Если он проснётся, она скажет, что диван развалился. Или что у неё галлюцинации. Или что она ходила во сне.

Она закрыла глаза и попыталась дышать тихо. Кровать была невероятно мягкой, удобной, огромной. Она чувствовала тепло от его тела на расстоянии полуметра. И от этого внутри всё сжималось в тугой комок.

— Только не влюбляйся, — шепнула она. — Только не влюбляйся. Это игра. Ты просто хочешь выиграть пари.

Но сердце её обманывало. Оно говорило: «Ты уже влюблена. Ты влюблена уже три года. Ты просто наконец-то перестала это скрывать».

— Завтра я выиграю, — прошептала она. — Завтра я докажу Лике, что я не тряпка. И если он снова посмотрит на меня как на идиотку... я скажу ему что-то умное. Что-то, что он запомнит.

Она зажмурилась и попыталась заснуть.

* * *

Она проснулась от того, что её руки обнимали что-то тёплое и очень приятное. Она прижалась к этому «чему-то» носом, вдохнула запах мятного геля и подумала: «Какая красивая подушка. И какая же она тёплая. И пахнет... мужчиной».

Она открыла глаза.

Перед ней была грудь Арсения Борисовича. Голая грудь. Та самая, про которую она вчера сказала, что она красивая. Теперь она лежала на ней. И её рука лежала у него на животе. И нога была перекинута через его ногу.

Зоя замерла.

Она медленно, очень медленно, убрала руку. Потом ногу. Потом попыталась откатиться на свою сторону, но он вдруг пошевелился, и его рука легла ей на талию, притягивая обратно.

— Арсений Борисович, — пискнула она, — я... я не то чтобы...

— Ермакова, — произнёс он, не открывая глаз, — ты вчера сама пришла на мою кровать. Что, диван сломался?

— Он... он меня обидел, — выдавила она. — Я проходила мимо, и он сказал, что я толстая. Я не могла это так оставить.

Он открыл глаза. Посмотрел на неё. Она лежала почти на нём, её очки съехали набок, волосы растрепались, на лице было выражение загнанного оленя.

— Ты говоришь во сне, — сказал он. — И ты храпишь.

— Я не храплю! — возмутилась она, и вдруг поняла, что всё ещё лежит на нём. — Ой. Простите. Я сейчас встану.

Она попыталась встать, но её нога запуталась в одеяле, и она рухнула обратно, теперь уже прямо на него. Носом в его ключицу.

— Ермакова, — сказал он, и в его голосе прорезалась хрипотца, — если ты сейчас же не слезешь с меня, я подумаю, что ты делаешь это специально.

— Я делаю это случайно! — выкрикнула она в его грудь. — Я всегда всё делаю случайно! Это моя жизнь — одно большое случайное недоразумение!

Она наконец вырвалась, скатилась на пол, навернулась на диван, который стоял рядом, и оказалась на полу с одеялом на голове.

— Я в порядке, — донеслось из-под одеяла. — Всё под контролем. Просто решила проверить, как там поживает пол.

Она услышала, как он засмеялся. Настоящий, глубокий смех, который она никогда раньше не слышала.

— Ермакова, — сказал он, — ты невыносима.

— Спасибо, — ответила она из-под одеяла. — Я знаю.

Он встал с кровати и подошёл к ней. Протянул руку. Зоя выглянула из-под одеяла, увидела его ладонь и поняла, что это момент истины. Она взяла его руку и он поднял её с пола. Она стояла перед ним, растрёпанная, без очков, и чувствовала себя так, будто только что выиграла в лотерею.

— Сегодня сделка, — сказал он, — соберись. Не позорь меня перед китайцами.

— Я постараюсь, — ответила она, и добавила про себя: «И я выиграю пари. Вот увидишь, Лика. Я не тряпка. И я не позволю тебе смеяться надо мной».

Она пошла в ванную, закрыла дверь и прислонилась к стене. Сердце колотилось где-то в горле. Она улыбнулась своему отражению и прошептала:

— Спишь на диване, падаешь с кровати, обнимаешь босса, говоришь ему про грудь... Интересно, книга ещё что-нибудь придумает? Или я сама всё делаю?

Она засмеялась, открыла кран и начала умываться.

— Ладно, — сказала она своему отражению. — Способ номер один провалился. Но у меня есть план. Сегодня я скажу ему что-то умное. Что-то, что его зацепит. И я выиграю. Я поставлю Лику на место. И он увидит меня. Настоящую.

Она надела очки и улыбнулась.

— Вперёд, Зоя. Ты сможешь.

Глава 4

— Вертолёт через час, — сказал Арсений Борисович, даже не взглянув на неё.

Зоя сидела на кровати и лихорадочно гуглила в телефоне: «как флиртовать с начальником в вертолёте». Интернет выдал что-то про «загадочный взгляд» и «лёгкое прикосновение». Она закрыла телефон и решила, что справится.

* * *

В вертолёте было шумно. Они надели наушники, и пилот что-то говорил по рации. Арсений смотрел в окно, скучающий и красивый.

Зоя выдохнула. Она поправила очки, одёрнула блузку и выдала первую фразу. Она хотела сказать низким голосом, но вышло как у пионерки на линейке:

— Арсений Борисович, красота какая!

Он повернулся, посмотрел на горы и кивнул:

— Ага.

Зоя поняла, что это был не флирт. Это была беседа о погоде. Надо было сделать что-то другое. Она вспомнила про «загадочный взгляд». Сделала серьёзное лицо, прищурилась и уставилась на него.

Он смотрел на неё секунду. Потом спросил:

— Ты меня видишь?

— Что?

— Ты смотришь сквозь меня. У тебя что-то с глазами?

— Нет! — она заморгала. — Я просто... смотрела задумчиво.

— На меня?

— Ну да. Задумчиво. Я думаю о... — она запнулась, пытаясь придумать, что можно сказать. — О смысле жизни.

— И что, на моём лице есть ответ? — спросил он.

— Нет. Но я всё равно посмотрю.

Он поднял бровь и отвернулся.

«Провал, — подумала Зоя. — Полный провал. Надо прикасаться. В интернете писали про касания».

Она взяла его за руку. Он повернулся.

— Ты замёрзла? — спросил он.

— Нет! — она попыталась придать голосу томность. — Просто я хочу... то есть вас... я хочу, чтобы вы знали, что я не боюсь. Я смелая.

— Я вижу, — сказал он и вытащил руку. — У тебя ладонь вспотела. Тебе не жарко?

Она убрала руку и покраснела.

— Это от волнения, — сказала она. — Я волнуюсь из-за... высоты.

— Ты боишься высоты? — спросил он.

И тут Зоя поняла, что это шанс. Она может сказать, что боится, и снова взять его за руку. Она может быть слабой и беззащитной, и он её успокоит.

— Нет, — сказала она. — Ну то есть да... то есть... — она запуталась. — Я не боюсь. Боюсь. Но не сильно.

Он смотрел на неё как на ненормальную.

— Так боишься или нет?

— Немного, — сказала она. — Но если я возьму вас за руку... я перестану бояться.

Он снова протянул руку. Зоя схватила её так, будто он был её последней надеждой.

Они помолчали. Вертолёт летел, Зоя сжимала его руку и пыталась придумать, что ещё можно сделать. Она попыталась погладить его пальцы, но её пальцы были влажными, и она просто скользила по его ладони, как мокрая рыба.

Он посмотрел на свою руку, потом на неё.

— Ты чего? — спросил он.

— Я... массаж делаю, — соврала она.

— Зачем?

— Расслабляю вас.

— А я расслабляюсь, когда трогаю шершавое, — сказал он. — А тут мокро.

Она убрала руку и засмеялась. Нервно.

«Господи, — подумала она. — Я выгляжу как идиотка. Он сейчас подумает, что у меня проблемы с психикой».

Она решила попробовать ещё раз. Она взяла прядь волос и начала накручивать её на палец. Она видела это в фильмах. Это выглядело сексуально. Но её пальцы были влажные, и прядь намоталась так, что застряла. Она дёрнула, и волосы больно натянулись.

— Ай!

— Что? — спросил он.

— Ничего, — она пыталась распутать палец. — Волосы... взбунтовались.

Он смотрел на неё, как она мучается с собственной головой.

— Тебе помочь?

— Нет, — она дёрнула сильнее, чуть не вырвав клок. — Ой... я сама...

Она распутала волосы и откинулась на спинку сиденья.

Она улыбнулась и посмотрела в окно. Горы были красивыми. И он был рядом. И она не выдрала себе волосы. Хотя это было близко. И подумала, посижу просто рядом. Романтика в вертолёте, это не моё.

Глава 5

Зоя сидела у иллюминатора и смотрела, как под ними проплывает море. Бирюзовое, бесконечное, красивое. Казалось, что они летят над самой водой, и от этого захватывало дух. Она сжала пальцами край сиденья, и внутри всё трепетало. От вида. От того, что они летят вместе. От того, что он сидит напротив, смотрит в планшет и даже не поднимает на неё глаз.

«Наверное, он думает о переговорах, — подумала Зоя. — А я думаю о том, как бы заставить его купить мне шоколадку. Идиотка. У нас сделка на миллион долларов, а я переживаю из-за пари. Какая же я дура».

Вертолёт мягко коснулся посадочной площадки. Шум стих, и Арсений Борисович, не дожидаясь, пока Зоя придёт в себя, встал и вышел первым. Она засеменила за ним, пытаясь не споткнуться о порог. Каблуки снова мешали. Она уже пожалела, что надела их.

— Ермакова, ты как всегда, — сказал он, даже не обернувшись. — Спотыкаешься на ровном месте.

— Это у меня профессиональное, — ответила она, догоняя его.

Он не ответил. Просто пошёл быстрее, и ей пришлось почти бежать, чтобы не отставать.

Зоя смотрела на его широкую спину, на его идеальную осанку, на то, как он уверенно шагает вперёд, и внутри неё боролись два чувства: восхищение и отчаяние. «Как заставить его что-то подарить? Как? Если он даже не смотрит на меня? Он даже не видит меня! Я для него просто хвост, который тащится за ним».

Они вошли в здание. Современное, стеклянное, с высокими потолками. Встреча должна была проходить на верхнем этаже. Они поднялись на лифте, и Зоя вышла следом за ним в холл, где уже ждали китайцы.

Зоя старалась улыбаться, кивать, пожимать руки, но мысли всё крутились вокруг одного: «Подарок. Подарок. Надо, чтобы он что-то подарил. Но что? Как?»

Они сели за стол переговоров. Зоя достала блокнот, открыла его, взяла ручку — и поняла, что она не пишет. Она попыталась нажать сильнее, нарисовала загогулину, но чернила не шли. Ручка сдохла. Кажется, вчера она забыла её закрыть, и она засохла.

«Вот же дерьмо, — подумала она. — В самый ответственный момент. Ещё и босс смотрит».

Она начала нервно рыться в сумке. Вторая ручка — тоже не пишет. Третья — где-то потерялась. Она наклонилась к столу, почти легла на него, пытаясь найти хоть что-то, но ничего не было.

— Ермакова, ты что-то ищешь? — раздался голос Арсения Борисовича.

Она выпрямилась. Он смотрел на неё. С лёгким раздражением, которое она уже научилась читать в его глазах. В них было написано: «Не сейчас. Только не сейчас. Если ты опять испортишь переговоры, ты будешь писать заявление. Ты поняла? Даже не думай».

— Ручка не пишет, — прошептала она виновато.

Он ничего не сказал. Он просто, не останавливая разговора с китайцами, полез во внутренний карман пиджака и достал свою ручку. Дорогую. Паркер. С золотым пером. Он протянул её Зое, даже не повернув головы, продолжая говорить на китайском.

Зоя замерла. Она смотрела на ручку. На его пальцы, которые держали её. На то, как он протянул её ей так, будто это было что-то обычное. Будто он делал это каждый день.

Она взяла ручку. Пальцы чуть дрожали. Ручка была тёплой от его тепла. И на ней остался его запах. Тот самый, который она уже знала. Дорогой, терпкий, с нотками дерева и моря.

«Интересно, — подумала она, глядя на ручку, — это можно считать подарком? Он мне её дал. Он протянул её мне. Это же считается? Лика не уточняла, что именно он должен подарить. Может, и ручка подойдёт?»

Она сжала ручку в пальцах и почувствовала, как внутри разрастается странное чувство. Это не была радость победы. Это было что-то другое. Что-то тёплое и немного стыдное. Она держит его ручку. Его личную ручку. Он пользовался ею, писал договоры, подписывал важные документы. А теперь она у неё.

«Это ведь подарок, — подумала она. — Это точно подарок. Даже если он не специально. Он её мне дал. Это считается».

Она смотрела на ручку, потом на него. Он продолжал говорить с китайцами, абсолютно не обращая на неё внимания. Она открыла блокнот, написала первое слово и почувствовала, как чернила плавно ложатся на бумагу. Ручка работала идеально. Как и всё, что касалось этого мужчины.

И вдруг она поняла: «А что, если я оставлю её себе? Он же не попросит её обратно? Наверное, нет. Он богатый, у него их много. Он даже не заметит».

Она улыбнулась и уткнулась в блокнот, делая вид, что записывает. На самом деле она просто смотрела на ручку, перебирала её пальцами и чувствовала, как внутри становится тепло.

Глава 6

Переговоры длились уже два часа.

Зоя сидела на своём стуле и чувствовала, как затекает спина. Она попыталась устроиться поудобнее — чуть откинулась назад, закинуть ногу на ногу. И в этот момент кресло под ней предательски качнулось. Оно было с колесиками, и одно из них заехало в щель между плитками пола. Зоя взмахнула руками, чтобы удержать равновесие, и едва не упала.

Она замерла. Медленно повернула голову и увидела, что Арсений Борисович смотрит на неё. Мельком. Всего на секунду. Но в этом взгляде она прочитала такое, от чего ей захотелось провалиться сквозь землю. Это было не раздражение. Это было удивление. Смешанное с чем-то вроде: «Ты серьёзно? Ты сейчас упадёшь со стула посреди переговоров с китайской делегацией?»

Зоя выпрямилась, поправила очки и сделала вид, что ничего не произошло. Но внутри всё кипело. «Идиотка, — ругала она себя. — Ты не можешь даже нормально сидеть. Ты ходячая катастрофа. Он прав. Он всегда прав».

Она снова попыталась сосредоточиться на переговорах, но руки её дрожали. Она взяла блокнот, чтобы записать что-то важное, и в этот момент локтем задела край стола. Стопка документов, аккуратно сложенная перед ней, рухнула на пол. Листы разлетелись во все стороны.

— Чёрт, — прошептала она и начала судорожно собирать их, наклоняясь вниз.

Но кресло снова качнулось, и Зоя, потеряв равновесие, сползла на пол. Она оказалась на четвереньках под столом, собирая бумаги, поправляя очки, которые постоянно сползали с носа. Вокруг неё кружились листы, как снег в метель.

— Ермакова, — услышала она голос Арсения Борисовича. — Ты там жива?

— Да! — пискнула она из-под стола. — Я просто собираю документы. Это временно.

Она вылезла из-под стола, держа в руках стопку помятых бумаг. Волосы растрепались, очки съехали набок, щеки горели. Она села на стул и попыталась придать себе приличный вид, но чувствовала себя нашкодившим котёнком.

Арсений Борисович смотрел на неё. В его глазах было такое выражение, которое она видела впервые. Он не злился. Он просто смотрел на неё как на забавный экспонат в зоопарке. Смесь удивления, недоумения и чего-то, отдаленно похожего на усмешку.

Переговоры закончились через полчаса. Китайцы ушли, оставив их наедине в переговорной.

Зоя стояла у стола, перекладывая документы, чтобы хоть как-то занять руки. Арсений Борисович закрыл дверь за китайцами и повернулся к ней. Он был в нескольких метрах от неё, и его голос прозвучал тихо, но с металлической ноткой:

— Ермакова, ты знаешь, что ты ходячая катастрофа?

Зоя замерла.

— Ты не можешь нормально сидеть, ты падаешь со стула, роняешь документы, лезешь под стол, поправляешь очки, как какой-то герой комедии, — продолжил он, скрестив руки на груди. — Я смотрю на тебя и думаю: как я тебя до сих пор не уволил?

Его слова задели её. Сильнее, чем она ожидала.

Она не думала, что ей будет так больно. Да, она понимала, что он прав. Она была неловкой, неуклюжей, постоянно всё роняла и вечно попадала впросак. Но когда он произнёс это вслух — тем самым ровным, холодным тоном, который он использовал на совещаниях, — внутри что-то сломалось. Словно она была не человеком, а проблемой, которую он терпел из милости.

Она смотрела на него. На его лицо, которое ничего не выражало. На его руки, которые были скрещены на груди. На его глаза, в которых не было ни жалости, ни тепла. Только усталость. Только раздражение.

И она, не думая, выпалила:

— Может, потому что я хорошо работаю? Или потому что у вас нет других аналитиков? Или потому что вам просто жалко увольнять такую неуклюжую идиотку?

Он удивлённо поднял бровь. Видимо, не ожидал такого ответа.

Зоя вытащила из кармана его ручку. Ту самую, которую он дал ей. Она положила её на стол перед ним.

— Вот. Ваша ручка. Я думала, что это подарок, но я ошиблась.

Она повернулась и вышла из переговорной, не оглядываясь.

Она шла по коридору и чувствовала, как слёзы подступают к глазам. Она сжимала кулаки, чтобы не разреветься прямо в коридоре. «Вот ты дура, Зоя, — говорила она себе. — Ты думала, что он заметил тебя? Что ты ему нужна? Он просто пожалел тебя. Ты для него — проблема. Ходячая катастрофа. Ну и иди к чёрту, Арсений Борисович. Не нужна мне твоя ручка. Не нужен ты мне. Я это чёртово пари».

Они вернулись в гостиницу на вертолёте. Она сидела рядом и молчала. Напряжение между ними было таким плотным, что его можно было резать ножом.

Они поднялись в номер. Зоя зашла в ванную, закрыла дверь, прислонилась к ней спиной и дала волю слезам.

Она плакала от обиды. От того, что он никогда не увидит её настоящую. От того, что она влюбилась в мужчину, который считает её ходячей катастрофой. От того, что она не сможет изменить себя. От того, что Лика прова.

— Дура, Зоя. Просто дура, — прошептала она.

Она умылась холодной водой, посмотрела на себя в зеркало — распухшие глаза, красный нос, съехавшие очки. Смешно. Нелепо. Идеально для того, чтобы сбежать.

Она вышла из ванной молча. Взяла сумку, перекинула через плечо и направилась к двери.

Арсений Борисович сидел в кресле, смотрел в планшет. Он даже не поднял на неё глаз. Только выдохнул тяжело, когда она проходила мимо.

Она не знала, хочет ли она, чтобы он что-то сказал. Или наоборот — чтобы он молчал. Внутри было пусто и холодно.

Она вышла из номера, закрыла дверь и пошла к лифту.

Арсений Борисович сидел неподвижно, глядя на закрывшуюся дверь. Он слышал её шаги в коридоре, звук лифта, тишину. И впервые за долгие годы он не знал, что делать. Он хотел сказать ей что-то — но слова застряли в горле. Он хотел догнать её — но его ноги не слушались.

Он смотрел на ручку, которую она оставила на столе. Ту самую, которую он дал ей на переговорах. Она была тёплой от её пальцев. И он вдруг понял, что она была права. Это был подарок. Он хотел, чтобы она оставила её себе. Он хотел, чтобы она поняла.

Но она не поняла.

— Чёрт, — сказал он громко в пустоту.

И, помедлив секунду, он поднялся с кресла и направился к выходу.

Глава 7

Арсений Борисович помнил, когда она впервые появилась в его компании.

Три года назад. Маленькая, незаметная, в очках с толстыми линзами и бесформенном свитере, который был ей на два размера больше. Она зашла в кабинет с документами, споткнулась о порог, и он тогда подумал: «Господи, ну и кого мне привела кадровая служба?»

Но она оказалась хорошим специалистом. Внимательной, дотошной, ответственной. Она не допускала ошибок в отчётах, умела находить неточности в договорах, предлагала нестандартные решения. Он ценил её как сотрудника. Как женщину — никогда.

Пока однажды не заметил, как она смотрит на него на совещаниях. Большими, круглыми глазами, как младшеклассница на старшеклассников. В этом взгляде было столько восхищения, что ему становилось неловко. Он отворачивался, делал вид, что не замечает. Но внутри что-то дрожало. Смешное, нелепое, почти детское.

Он замечал её неуклюжесть. Как она проливала кофе, как врезалась в двери, как теряла документы. Это вызывало у него улыбку. Он никогда не показывал этого, но внутренне усмехался. Она была такой... настоящей. Не как другие женщины, которые пытались казаться идеальными. Она была собой. Неловкой, смешной, но искренней.

Он никогда не видел в ней женщину. Даже когда она спала на нём всю ночь в гостинице. Он проснулся от её рук, обнимающих его поперёк груди, и первой мыслью было: «Наверное, дома она спит с плюшевым мишкой. И сейчас она думает, что это он». Он не отодвинулся. Не разбудил её. Он просто лежал, чувствуя её тепло, и улыбался в темноте. Смешно. Нелепо. Но приятно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.